

Определенные ситуации, образы являются объектами памяти, знаний, воображения. Формируются они в сфере когнитивного и чувственного восприятия действительности. Они способны передавать информацию и быть эмотивным выразительным средством одновременно. В постоянном распоряжении человеческого мышления находятся тысячи слов, выбор онима из этих тысяч должен быть серьезно мотивирован. Одна из причин этого выбора, возможно, определяется большим объемом возможностей онимов: в одном слове без комментирующего сопровождения и фиксация конкретного факта, и актуализация некоего смысла, и характеристика ситуации или человека, и их эмонационализация. Все эти свойства могут и не проявиться, если оним только называет объект с целью его идентификации, т.е. когда он амбивалентен как вербальный знак в системе языка (стандартная единица номинации).

Реализуются эти референции только в лексико-семантической системе, создаваемой языковой личностью и, несмотря на субъективный характер этой системы (контекста), имплицитированные смыслы содержат элементы обобщенности, их может понять каждый. Правда, А.А. Ухтомский, утверждая, что субъективные показатели столь же объективны, как всякие другие, попутно отметил: «для тех, кто умеет их понимать и расшифровывать» [10, с. 98] (подчеркнуто мною – *Н.И.*). Но для понимания онима и текста это-то условие и становится самым главным, иначе смысла в использовании онима нет. Вот например, отрывок из статьи К. Чуковского «Две души»: «Людишки – вот истинный Бог для Горького. Бог как бы эманация людишек, людишкиных вожделений и мук. Главное – люди, а Бог – производное. Люди – субстанция, а Бог – атрибут. Религия Горького – земная, безнебесная. Он весь в людском муравейнике, конечном, здешнем, временном. Он весь в практике, в физике, он не Мария, но Марфа, и *слава Богу, что Марфа; довольно уже с России Марий*». Параллель, создаваемая Чуковским: Горький – Марфа, но не Мария, - лежит в плоскости культурных, духовных ценностей, они понятны людям, знакомым с евангельскими притчами: «Женщина, именем Марфа, приняла Его в дом свой; у нее была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала *In Nōminum Spatio (В пространстве имен)*

слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее».

Автор третьего Евангелия апостол Лука передает историю о сестрах как поучительное наставление, ключевыми символическими фигурами в которой являются Марфа и Мария. Притча строится как рассказ о Христе, который пришел в гости к упомянутым женщинам и стал наставлять их в Божьей воле. Марфа между тем готовила угощение, чтобы оказать другу необходимое гостеприимство, а Мария сидела возле Иисуса и, ни на что не отвлекаясь, слушала его наставления. Хлебосольную сестру это обстоятельство вывело из себя, и она пожаловалась Христу, что Мария оставила ее одну на кухне заниматься трапезой, а сама предалась разговорам. Иисус отреагировал на это неожиданно – он осадил Марфу, заявив, что ее хлопоты - это житейская суета, не имеющая большого значения, тогда как Мария выбрала то, что действительно важно и необходимо человеку, а именно слушание Воли Божией. Он назвал поведение младшей сестры благой частью, добрым выбором.

В этой притче нет призыва к категорическому отказу от повседневных забот, но говорится о необходимости четкого осознания вечного и временного, абсолютного и относительного. В каждом человеке есть на уровне субличности своя Мария и своя Марфа. От того, чей голос более слышен и авторитетен человеку, зависит качество его жизни, осмысленность и внутреннее, духовное развитие. Марфа (практичность, сиюминутность, временность) и Мария (созерцательность, духовная глубина, вечное) стали символом различных установок в жизни христиан.

Вне этих знаний обесмысливается использование онимов-символов.

В другой статье о Блоковской пьесе «Роза и Крест» Чуковский прибегает к еще более сложным ассоциациям: «Та Прекрасная Дама, которой поклоняется рыцарь Бертран,

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

была вовсе не Прекрасная Дама, а мелкая, лживая, вульгарная тварь. Не Текла, но Фекла. Она не стоит ни молитв, ни песен. На Бертрана она не обращает внимания: у нее пошлый роман с пошляком. Но Блоку и не нужно, чтобы она была Теклой, он и Фекле поклоняется, как Текле: «Я коснуться не достоин / Вашей розовой руки», и благоговейно отдает ей свою жизнь». У самого А. Блока разное звучание этого имени создает разные коннотации: очарованный нежной мечтательностью девушки, поэт подбирает ей имя:

«О, нежная! О, тонкая! И – быстро

Ей мысленно приискиваю имя:

Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!

Да, Теклой!». Но увидев пошлое свидание с развратным офицером, кричит:

«Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю

В них шишками, песком, визжу, пляшу

Среди могил – незримый и высокий...

Кричу: «Эй, Фекла! Фекла!»» (Блок. Над озером).

Имя Фекла имеет древнегреческое происхождение: θεός (Бог) и κλέος (слава), обозначает «слава Божья». На латинском звучит *Theclā*. В ряде европейских стран является достаточно популярным. На русскую землю имя Текла (именно так оно произносилось «Текла», в этом же звучании это имя сохранилось во многих современных странах) пришло из Византии и стало известным благодаря ученице апостола Павла. За христианскую веру святая была заключена под стражу, а затем брошена на растерзание диким животным, и только чудом звери не тронули ее. Постепенно это имя приняло звучание Фекла. Эта форма имени считается простонародно-грубой, а Текла – изысканной и благородной. В «Словаре коннотативных собственных имен» Е.С. Отина об имени Фекла дается следующая информация: «Распространенность имени в крестьянской среде, у женщин «низших» слоев общества», а само имя подается в регистре УКА2 - «узусальный коннотативный антропоним с интралингвальной коннотацией и широким диапазоном известности»: «малопривлекательная и недалекая женщина» [9, с. 359].

У каждого автора художественная картина мира моделируется всегда индивидуально, непредсказуемо («Мы *In Nōminum Spatio* (В пространстве имен)

видим окружающий нас мир только посредством того образа мира, который носим в себе» [4, с. 144]), что не в последнюю очередь формируется онимами.

Но онимы не ограничиваются моделированием художественной сферы, эксклюзивность их – в способности выходить на иной, более широкий и глубокий, уровень понятийной системы. Они представляют концепты, которым нет полного и адекватного соответствия, хотя считается, что онимы в высшей фазе своей символизации, становясь обобщающим знаком, приобретают признаки апеллятива. Онимная концептосфера подвижна, она подвержена влиянию внешних факторов – исторических, культурных, политических, социальных, – и в то же время сама влияет и даже в некоторой степени формирует свое пространство. Мода на имена и, наоборот, забвение некоторых имен, этимологическая ночь некоторых онимов, их переосмысление, появление коннотаций у имен или их апеллятивных производных вполне нейтральных, с изначальным нулевым эмоционально-образным ресурсом, – все эти процессы не оригинальны, они происходят со многими словами. Но если для апеллятива это обычное явление, то для онима как единицы индивидуально-го, идентифицирующего наименования – достаточно редкое.

Изучение понятийного содержания собственных имен требует комплексного подхода, учитывающего в том числе и ненаучные знания. Без знаний референтных сущностей оним будет семантически пустой формой. Для рядового носителя языка это факт, конечно, ничтожный. Не-знание Брунгильд, Фетид, Зигфридов и прочих субъектов (коими так наполнены тексты русской и всемирной литературы) не лишит читателя эмоционального удовольствия, но оно все далее уводит нас от истории Цивилизации, некоторые тексты требуют к себе комментариев бóльших, чем сами тексты, а в конечном счете это влияет на усеченное, ограниченное (и поэтому в какой-то степени ущербное) понимание художественного мира и больше: вообще картины мира, нарушается восприятие ее как целостного образования, представляющего взаимосвязанность атомарных сущностей. Исправление этой ситуации вряд ли возможно, скорее всего, этот процесс будет только убыстряться. Лингвист остановить его не может, но в

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

его силах зафиксировать и объяснить сущности вербального мира, связанные с онтологическим миром.

Значимость такой формы, представленной онимом, блистательно показана в стихотворении М. Цветаевой «Попытка ревности». Оно, обращенное то ли к К. Родзевичу, то ли к М. Слониму (последний в воспоминаниях утверждает, именно к нему), пронзено обидой, болью, упреками к бывшему возлюбленному. Не погружаясь в литературоведческий анализ, сосредоточимся на одном слове – Лилит. Лилит – это сама Цветаева. Понимая свою неповторимость, сложность, духовную глубину, она понимает также, что любить такую женщину – под силу не каждому, проще и легче с простою: «Как живется вам с другою, - Проще ведь?»; «Как живется вам с простою женщиною?» (подчеркнутое слово выделено автором – *Н.И.*); «Как живется вам с любою...»; «Как живется вам с подобием – вам...»; «Как живется вам с товаром рыночным»; «Как живется вам с земною женщиной?»; «Как живется вам с сто-тысячной – вам, познавшему Лилит!». Цветаева-Лилит – высота, которую никому не взять Интересный ассоциат. В достаточно жесткой форме Цветаева себе-Лилит противопоставляет всех остальных. Здесь Лилит – это как прекрасное у С. Моэма: «Оно как аромат розы: его можно понюхать, и все. Прекрасное – это тупик. Горная вершина, достигнув которую дальше некуда идти» (С. Моэм, «Пирог и пиво»). Лилит – первая женщина Адама, это неограниченная стихия, вне понятий добра и зла. Та самая энергия, которой так боятся мужчины. Она – слишком хаотичная, авантюрная, греховная, желанная, властная, женственная... Слишком – для обычного мужчины. Все европейские религии изъяли ее из канонических текстов и заменили удобной Евой (хотя и она оказалась верной последовательницей Лилит). Лилит называют демоном (Микеланджело в Сикстинской Капелле ее изобразил женщиной-змеей, а у Л. Андреева в «Розе Мира» Лилит описывается как «всемирная Афродита всех человечеств»), а в сущности, она – женское начало, где перемешаны хаос и гармония. Это онимное обозначение можно считать концептуально значимым ядром текста.

Как часть языка, онимы живут по его законам, как личностные конструкторы – создают свои правила, свое личное

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

пространство. Объяснение каждого случая использования онима, механизмов его эмоционального воздействия на слушателя/читателя, его сущности как отличительной приметы момента исторического времени, культуры, национально-языкового сообщества может быть правильным и убедительным только при условии взгляда на язык как на феноменальное явление: язык – объясняемый объект и язык – объясняющее образование. Только в такой парадигме будет понятно своеобразие онимов как объективно-субъективной единицы.

Используемый оним (именно используемый – т.е. в устах конкретного человека, в условиях конкретного текста, а не просто как языковая единица, формально что-то/кого-то называющая) – объективный факт в субъективных обстоятельствах. Предусмотреть, рассчитать модели использования и восприятия онима невозможно, именно поэтому привлекательной представляется задача исследовать оним как иллюстрацию ментальных способностей языка и как средство формирования языковой картины мира.

Языковая картина мира понимается Колшанским Г.В. как творение человека, а язык – как звуковая книга, в которой запечатлены все пути понятийного усвоения мира человеком [7, с. 24].

Но ведь язык еще «есть мерило ума, души и свойств народных». Это о русском языке вдохновенно говорил академик А.С. Шишков.

«Ум, душа и свойства народа» - категории довольно размытые, трудно поддающиеся научному объяснению (если вообще поддающиеся), но при этом понятно, что имеет в виду Шишков. В переводе на современный язык его торжественная и может быть, несколько пафосная (но искренняя характеристика) русского языка означает эффективность языковой системы в конструировании любых концептуальных схем, в способности прямым или непрямым способом реагировать на общественную, материальную, духовную жизнь социума, в создании духовно ориентированных смыслов. Мир языка – это не только отражение внешнего мира, но и внутреннего мира человека. «Страстность русского характера влечет его за пределы «взвешенного среднего», вполне достаточного

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

для познания «внешней предметности»; то, что «поставлено выше себя», заносит ум за пределы пустой «вещности», ищущая разум на поиски крайних сил бытия», - это сказано В.В. Колесовым, современным ученым [6, с. 6].

Все, что есть в языке, может выполнить любую задачу: описательную, классификационную, сигнификативную, коммуникативную и т.д. Оним прежде всего выполняет функцию номинативную. Все остальные функции не есть собственно функции самого онима, этими функциями онимы наделяет реальная личность. Субъект, обозначая внеязыковую реальность уже существующими, не придуманными им онимами, по сути создает новую (или иную) действительность. Она индивидуальна, эксклюзивна. А это же и есть творчество. Л.С. Выготский, отмечая роль нашего мозга в сохранении прежнего опыта и облегчении воспроизведения этого опыта, утверждал, что мозг не ограничивается только этим: «кроме воспроизводящей деятельности, легко в поведении человека заметить и другой род этой деятельности, именно деятельность комбинирующую или творческую» [3, с. 237].

Творческая переработка наблюдается и в использовании онимов. И не только в художественных или публицистических текстах, в устной речи можно услышать весьма интересную интерпретацию, только не зафиксированные на бумаге, эти примеры, к сожалению, не пополняют исследуемый фонд. Но разнообразие художественных онимов и их широкая амплитуда смыслов компенсирует это пробел.

Повесть М. Пришвина «Журавлиная родина» являет собой описание настоящего творческого процесса имянаречения персонажа. Здесь и психологические стимулирующие факторы, и пучки ассоциативных образов: «В своем увлечении живо-писать, значит, всматриваясь в натуру и оставляя в ней все на месте, различать или находить в ней лицо, я иногда дохожу до того, что становлюсь в тупик от необходимости переменить имя описываемой личности. Не знаю, почему так приходится в большинстве случаев, что имя, носимое человеком, отвечает внутренним особенностям личности и при первой записи все испортишь, если возьмешь имя другое, тогда все пойдет кривь и вкось. А когда потом приживешься к имени, от себя что-нибудь прибавишь, то и

In Nōminum Spatio (В пространстве имен)

технически бывает трудно заменить; тогда нужно бывает, чтобы в новом имени было непременно столько же слогов, иначе ритм будет нарушен, фраза перестанет звучать. А сколько личных необъяснимых препятствий; Алексея представляешь себе с трубкой в зубах, а переменишь на Николая, *то Николай почему-то выходит без трубки. И так много всего*». Имя стало знаком, концентрирующим в себе сущностные качества его носителя, как подчеркнул П. Флоренский: «... в литературном творчестве имена суть категории познания личности, потому что в творческом воображении имеют силу личностных форм» [11, с. 465]. И даже при случайном наречении возникает такое слияние поэтической личности и ее имени, что в итоге трудно установить логическую последовательность их связи: имя отражает личность или влияет на ее восприятие. Интересно в связи с этим еще одно высказывание П. Флоренского: «...поэт, опираясь на интуитивно добытое им имя, сам не вполне знает, как дорого оно ему. Лишь при необходимости расстаться с ним обнаружилась бы существенная необходимость этого имени, как средоточия и сердца всей вещи» [11, с. 452].

Отрывок из повести нашего современника как будто перекликается, продолжает профессиональную писательскую беседу с Пришвиным о тайнах собственного имени: «Важнейшее значение есть у имен, на судьбу человека влияет, так мне кажется. Не был бы Юрием, *а был бы, скажем, Виталием или Иваном, то вся бы жизнь чуть по-иному сложилась бы. А может, и не чуть, а существенно, словно в имени некий код судьбы уже зашифрован. Иногда имя не сливается с человеком и воспринимается как табличка, на него навешенная, а некоторые спаянные с ним так, что иного и представить нельзя*».

Оним, закрепленный за конкретным объектом, получает понятийное содержание от качеств этого объекта. Происходит это только в речи, ведь только речевые ситуации предоставляют возможность ониму не только «привязаться» к денотату крепчайшими узами, но и отсканировать на себя его качества. Оним, как наследник первой очереди, берет себе от своего денотата все. Все – это понятие, которое, как и

наследство, единично и неповторимо. Как «все слова пахнут определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом» [1, с. 106], так оним имеет разный ассоциативный образ. Собственные имена живут по своим правилам.

А. Новиков в книге «Блок» проводит свою параллель двух великих поэтов (речь идет о выступлении А. Блока 13 февраля 1921 года, названного «О назначении поэта»). «Блок ошеломляет слушателей уже первой фразой: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: «Пушкин». И в самом конце настойчиво повторяет тот же парадоксальный эпитет: «В этих веселых истинах здравого смысла, перед которым мы так грешны, можно поклясться веселым именем Пушкина». «Веселость» в данном контексте – это тот абсолютный «плюс», которым помечено истинное искусство. <...> Когда в финальной фразе автор призывает нас поклясться «веселым именем Пушкина», в сознании читателя само собой возникает: «веселое имя - Блок»» (А. Новиков, «Блок»).

Художественный текст дает в этом смысле точные маячки-указатели, ведущие читателя единственно правильной дорогой понимания линии имя – денотат. Как, например, в отрывке из стихотворения таким маячком ассоциативно-мыслительной деятельности является «Невский»: Невский проспект – Ленинград – Бродский (а какой же еще Иосиф может быть связан с этими ключами-указателями): «Нам же набережной плеск, / Плашка вымытой монетки / а подвытертая плешь / под волной травы... На Невской / Было паперти точь-в-точь, / где гулял живой Иосиф...» (Наталья Загвоздина, «Венецианский ключ»).

А. Терц, говоря о пушкинском «Медном всаднике», виртуозно связывает и одновременно разделяет автора и персонажа посредством онимов, оставляя место и для другого персонажа под этим именем, не называя его (Евгения Онегина), и значит, и его вовлекая в орбиту одного ассоциативного пространства: «Евгений! Какое значительное у Пушкина имя, варьирующее один и тот же примерно сюжет человека, глухого к поэзии, далекого от нее, но все-таки чем-то родного и приятного автору. Евгений!.. Ба! уже не есть ли это светское, мирское имя того, кто в духовном своем сане

известен как Александр Пушкин?! Известны его пародийные мысли, близкие Евгению с его маленьким счастьем на общих путях...» (А. Терц, «Прогулки с Пушкиным»).

Смыслы, которые автор желает отразить в имени собственном, могут ничего и не значить, если их не сумеет увидеть читатель. Маршак говорил, что для каждого талантливого писателя нужен талантливый читатель. Может быть, и не талантливый, но хотя бы знающий. Иначе не только не откроются вторичные семы значения имени, но не будет понятен вообще смысл сказанного. Онимы являются культурными идентификаторами эпохи, пишущего и – читающего. Люди, принадлежащие к одной культуре, понимают явления реального и ирреального (вымышленного) мира одинаково, потому что мыслят категориями одного языка («национальная языковая личность») в одной понятийной системе, но оценивать, интерпретировать могут по-разному. И эта способность не в последнюю очередь зависит от уровня культуры. Д.С. Лихачев утверждал: «Культура основывается на знаниях, хотя сама не является просто большим объемом знаний. Культура – это прежде всего результат знаний, – знаний упорядоченных и вместе с тем осознающих свою недостаточность» [8, с. 239].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики // М. М. Бахтин. – М., 1975. – 504 с.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. - 2001. - №1. – С. 64-71.
3. Выготский Л.С. Психология развития ребенка // Л.С. Выготский. – М.: Смысл-ЭКСМО, 2003. – 512 с.
4. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Под ред. Л.М. Скрединой. – М., 2004. – 240 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию // В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 394 с.
6. Колесов В.В. Русская ментальность на фоне западноевропейской / В.В. Колесов // Образ мира в зеркале языка: сб. научных статей. – М. : ФЛИНТА, 2011. – С. 5 – 15.
7. Колшанский Г.В. Объективная картина мира и познание в языке / Г.В. Колшанский. – М. : КомКнига, 2006. – 128 с.

II Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина

8. Лихачев Д.С. Русская культура // Д.С. Лихачев. – М. : Изд-во «Искусство». – 2000. – 440 с.
9. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
10. Ухтомский А.А. Избранные труды (Серия: Классики науки) // А.А. Ухтомский. – М. : Наука, 1978. – 372 с.
11. Флоренский П.А. Имена // П.А. Флоренский. – М.–Харьков, 1998. – 795 с.